

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-83-94

УДК 93; 94; 321; 329

Элла Задоржнюк

Взгляды британского геополитика на славянский вопрос (к 100-летию выхода книги Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность»)

Аннотация. В книге Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность», вышедшей 100 лет назад, термин «славянский вопрос» отсутствует. Однако в своем знаменитом заклинании о ключе к господству над миром британский геополитик говорил как раз о Восточной Европе и населяющих ее славянских народах. Пояс государств, появившихся на карте между побежденной Германией и революционизированной Россией, идентифицировался им как «стратегический Хартленд». Решение славянского вопроса Маккиндер предлагал связать с продвижением в этих странах «демократических идеалов», допуская и меры принуждения к их принятию.

Ключевые слова: Х.Д. Маккиндер, демократические идеалы, славянский вопрос, Восточная Европа, Хартленд, Версальский мир, субрегионы.

Хэлфорд Джон Маккиндер (1861–1947) — английский географ и политик, государственный деятель и дипломат, создатель теории Хартленда (сердца земли), один из основателей и руководителей Лондонской школы экономики и политики — считается классиком геополитики. В нашей стране этот автор достаточно известен: опубликованы в переводе на русский язык фрагменты его книг и отдельных статей с комментариями к ним. В то же время имеются и некоторые лакуны в изучении наследия Маккиндера — в первую очередь, это относится к тому, что можно условно назвать его подходом к славянскому вопросу.

Геополитике посвящены прежде всего три классических труда Маккиндера: «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность: исследования политики реконструкции» (1919) и «Круглая Земля и обретение мира» (1943) [Mackinder The Geographical... Mackinder Democratic... Mackinder The Round...]. Основное внимание в данной статье будет уделено второму труду¹, столетний юбилей выхода которого в свет, равно как и столетие заключения Версальского договора, отмечаются в 2019 г.

1 В статье анализируется текст этой книги Х.Д. Маккиндера, переизданной в Вашингтоне в 1942 г., поскольку именно в ней публикуется указатель имен.

Сведения об авторе: ЗАДОРЖНЮК Элла Григорьевна — заведующая Отделом стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктор исторических наук, tanyaslav@rambler.ru.

При первом прочтении книги создается впечатление, что славянский вопрос находится на периферии внимания автора. Однако примерно в ее середине Маккиндер помещает свое знаменитое заклинание, в первой строке которого говорится как раз о Восточной Европе и населяющих ее народах (оно выделено автором курсивом и расположено в виде строфы):

*«Кто управляет Восточной Европой, господствует над Хартлендом:
Кто управляет Хартлендом, господствует над Мировым Островом:
Кто управляет Мировым Островом, господствует над Миром» [Who rules...].*

Не прибегая к формулировке «славянский вопрос», относящейся не только к Восточной Европе, но во многом и к России, Маккиндер тем не менее предлагает решение этого вопроса, связанное с продвижением «демократических идеалов» после Версальского мира.

С одной стороны, он допускает, что носители «реальностей» в каждой из стран данного региона, идентифицируемого им как пояс государств между побежденной и Германией и революционизированной Россией, могут интерпретировать эти идеалы по-своему, а с другой — допускает и меры принуждения к их принятию, пафосно заключая, что лишь их воплощение принесет мир между классами и народами.

Маккиндер имел и непосредственное отношение к насаждению демократических идеалов, консультируя участников Версальского договора с английской (и американской) стороны, а позже (в 1919–1920 гг.) являясь Верховным комиссаром британского правительства и Антанты на юге России. Миссия эта оказалась неудачной, поскольку русский генерал А.И. Деникин — представитель одного из славянских народов — отказывался в полной мере следовать его наставлениям, включающим, к примеру, планы федерализации России — «единой и неделимой», как считали лидеры белого движения.

С некоторой настороженностью к ряду инициатив Маккиндера относились и лидеры славянских государств в Восточной Европе. А сам он, к примеру, ни разу не упоминает в своем труде одного из них — Т.Г. Масарика, который был, как и Маккиндер (а также президент США В. Вильсон), профессором и столь же ярким защитником демократических идеалов.

Славянский вопрос косвенно затрагивался Маккиндером еще в статье 1904 г. — когда Россия и Япония столкнулись в борьбе за морские рубежи. «Тевтоны, — пишет он, в чем-то предвосхищая идеи евразийцев, — были цивилизованы и приняли христианство от римлян, славяне же — от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям. И именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской даже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности» [Маккиндер Географическая... с.98].

Здесь напрашиваются два замечания. Во-первых, в начале XX в. Россия стремилась быть сильной морской державой, причем не только на восточном, но и на северном на-

правлениях: намечались планы строительства незамерзающего порта на Кольском полуострове и освоения Северного морского пути. Во-вторых, романо-тевтонцы ощутимо оттесняли греко-славян как раз на их землях, особенно на Балканах. Они же превратили в орудие давления католицизм, сделав, к примеру, Польшу своим форпостом на востоке.

С книгой «Демократические идеалы и реальность» сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, редко кто не цитирует знаменитое заклинание. Вряд ли следует сомневаться при его истолковании, что именно Восточная Европа, населенная в основном славянскими народами, правомерно идентифицируется Маккиндером как «стратегический Хартленд» — ключевой пункт европейской и общемировой политики. Вместе с тем у Маккиндера этот ареал представлен настолько неопределенно, что его трудно очертить по государственным и культурно-этническим границам. Создается даже впечатление, что Маккиндер и его в основном англоязычные комментаторы нарочно запутывают ситуацию, обращаясь часто к аргументам культурно-исторического порядка с целью доказательства релевантности ключевых геополитических идей.

Одно из таких мест в книге Маккиндера доказывает безальтернативность контроля над этим регионом морских держав, в первую очередь Англии и США. Эту идею автору пришлось проводить с большой тщательностью, не обходя того, что в его времена именовалось и сейчас еще иногда именуется славянским вопросом.

С учетом подходов Х. Маккиндера к Восточной Европе как «стратегическому Хартленду» и к славянскому вопросу как одному из ее идентификаторов, рассмотрим, как он оценивает условия возникновения и предпосылки развития в данном регионе новых государств после Версальского мира. Чтобы сузить исследовательское поле, введем понятие «малая Восточная Европа» для обозначения существовавших и возникших на данном пространстве 10 таких государств (включив в их число лишь вскользь упоминаемые Маккиндером страны Балтии). Под «большой Восточной Европой» Маккиндер подразумевает гораздо более обширные территории, включая Германию и Россию.

Хартленд поначалу определялся Маккиндером как северо-восточная часть Евразии, окаймленная с юга и востока горными системами. В 1904 г. британский геополитик идентифицировал Хартленд как ось истории, роль которой будет возрастать с развитием сухопутных транспортных путей, в основном — железных дорог [Там же, с. 99]. Полтора десятилетия спустя толкование данного термина было им скорректировано. В трактовке 1919 г. «Хартленд для целей стратегического значения включает в себя Балтийское море, срединное и нижнее течение Дуная, пригодные для судоходства, Черное море, Малую Азию, Армению, Персию, Тибет и Монголию. Внутри него, таким образом, были Бранденбург — Пруссия и Австро-Венгрия, как и Россия — обширная тройственная база людского ресурса, которого недоставало конным войскам Суши на протяжении всей истории. Хартленд — это регион, к которому при современных условиях морские державы могут потерять доступ, несмотря на то, что западная его часть находится вне регионов арктического и континентального стоков. Существует одно поразительное физическое обстоятельство, связывающее все это вместе: вся территория,

доходя даже до краев Персидских гор, возвышающихся над знойной Месопотамией, покрывается снегом в зимний период. Граница средней температуры замерзания для января проходит от Северного мыса Норвегии на юг, как раз в пределах «Щита» островов, вдоль побережья Норвегии, через Данию, пересекая Среднюю Германию к Альпам и от Альп на восток — вдоль Балканского хребта. Одесский залив и Азовское море замерзают каждый год, как и большая часть Балтийского моря. В середине зимы, как видится из космоса [в оригинале — “fromthemoon”. — Прим. ред.], обширный белый щит выдает Хартленд в его широком понимании» [Маккиндер Демократические... с. 143–144].

Как предполагалось оперировать этим уточненным определением в реально складывавшейся после 1917 г. (революция в России) и 1918 г. (поражение Германии и Австро-Венгрии) ситуации?

Конкретизируя свою цель продвижения демократических идеалов, Маккиндер в ходе заключения Версальского мира ввел уточненное понятие «стратегический Хартленд», соотнеся его с тремя субрегионами Восточной Европы. Они, в свою очередь, во многом идентифицировались с уже неимперской Германией, революционизировавшейся Россией и поясом государств между ними. При этом Маккиндер допускал, что Германия (еще полностью не побежденная: работа писалась в 1918 г.) выступала — и способна была выступить в будущем — наконечником копья, направленным против морских держав. Если древком этого копья стала бы неимперская Россия (что, согласно Маккиндеру, было вполне вероятно), то его сила многократно возросла бы — вероятность этого варианта он объяснял тем, что ранее элита России была полунемецкой, да и революция проходила в ней по лекалам немца К. Маркса.

Чтобы предотвратить возникновение такой угрозы, на территориях трех бывших империй (включая Австро-Венгерскую) и нужно, утверждал он, внедрять демократические идеалы в новых странах региона, ставшего «бесхозным». Ведь революция приведет к саморазрушительной «марксовой войне международных классов, пролетариата против буржуазии, а в дальнейшем — одной части пролетариата против других. В России — это столкновение городских рабочих с крестьянством, ...итогом может стать мировая анархия и мировая тирания» [Там же, с. 144]. То же, что произошло в России — ранее династической, а теперь большевистской — может произойти и во всех субрегионах: «Русские, прусские и венгерские равнины с присущей им значительной похожестью социальных условий весьма пригодны как для маршей милитаризма, так и для пропаганды синдикализма. И против этого двуглавого орла [сухопутной силы] страны Запада и островов должны выступать постоянно» [Там же].

Выход из ситуации — закрепление внедряемых не без силового давления морских держав демократических идеалов на этих географически детерминированных (экс) тиранических пространствах. И во имя указанной цели допустимо расчленение Восточной Европы на три субрегиона: 1) Германию, 2) Россию и 3) пояс государств между ними — наиболее подходящую почву для взращивания демократии. (Не удержимся от едкого замечания — 70 лет спустя после написания труда Маккиндера эта «новь» была

вспахана еще раз для возвращивания на ней демократии — вместе со стремительно раскрывшейся такой особенностью этого проекта, как русофобия).

С целью устранения угрозы мировой тирании (*world-tyranny*), исходившей от двух первых субрегионов, и особенно их союза, необходимо, утверждал Маккиндер, стратегическое мышление в экономике и укоренение основ демократии в политике, присущие в первую очередь Англии и США. Столкновение Хартленда с ними в исторической ретроспективе и перспективе неизбежно; лишь победа в таком столкновении обеспечит свободу наций, а через нее — свободу отдельного человека и всех людей.

Прежде чем искать в тексте Маккиндера ответ на частный, казалось бы, славянский вопрос, приведем общие оценки его концепции, данные отечественными исследователями.

В. Цымбурский, комментируя трактат о демократических идеалах, отмечал в качестве одной из поставленных в нем целей умиротворение «тевтонов» путем переориентации их центра: с Берлина как «осевого меридиана Восточной Европы» на Гамбург — морские ворота, открытые на Запад. При этом Маккиндер рекомендовал сдерживать как ранее осуществлявшееся насильственное онемечивание славян, так и их текущую на тот момент большевизацию, не допуская, чтобы их контролировала «полуонемеченная Россия». Российский политолог полагал, что прогнозы Маккиндера опровергались чуть ли не сразу после их появления, но при этом отличались высокой степенью релевантности. По словам Цымбурского, этот Гомер геополитики был в чем-то слеп, как и поэт Гомер, но во многом так же мудр на века. Ему была присуща «преднамеренность двусмысленностей», что как раз и позволяло выходить из роли прогнозиста, становясь визионером. Поэтому-то и сегодня Маккиндера читают, переводят и истолковывают [Цымбурский].

Известный историк Н. Нарочницкая в своей монографии о роли России в мировой истории (в главе под названием «Россия, “Mitteleuropa” и Балканы в англосаксонской “геополитической оси” современной истории») подчеркивала, что в трактате о демократических идеалах «Маккиндер лишь облек в экзотическую терминологию достаточно простую зависимость от объективных географических условий возможности для англосаксов, отделенных от Европы, не допустить усиления динамичных держав, расположенных в глубине континента» [Нарочницкая Россия... с. 374]. Этим как раз и детерминируется борьба за «стратегический Хартленд» не только после 1919 г., но также после 1945 и 1989 гг.

Х. Маккиндер начинает свою книгу с анализа четырех мировых войн, имевших место в последние четыре столетия. Первой явилось столкновение протестантов и католиков в начале XVI в. как раз на территориях Восточной Европы. «Крупные войны в истории — имеются в виду мировые войны каждые из ста лет в течение последних четырех столетий — это результат, прямой или косвенный, разных темпов развития наций, причем не всегда вследствие большей одаренности или энергии одной нации по сравнению с другой; в значительной мере эти войны — итог неравного распределения между

ними богатств стратегических ресурсов, наличествующих на земном шаре» [Mackinder Democratic... p. 1], — утверждал Маккиндер.

Четвертая — Первая мировая — война, уже в XX столетии, началась в старом стиле, однако на третьем ее году случилось нечто принципиально новое: в России произошла революция и в войну вступили США. В итоге Германия и Австро-Венгрия — бывшие хозяева проживавших здесь славянских народов — потерпели поражение, появился шанс сделать мир «пространством безопасным для демократии» [ibid, p. 44].

Согласно Маккиндеру, в XIX в. Россия продвигалась на восток и на юг, стремясь при этом оказывать влияние на западе, в первую очередь на славянство, причем не всегда это проходило бесконфликтно, что продемонстрировали Крымская война и польские восстания. Это влияние России постоянно тревожило «Латинский полуостров» (так Маккиндер именуется страны Европы к западу от границ Германии) и Великобританию. К концу века, «немцы Пруссии и Австрии вознамерились подчинить славян своему влиянию и эксплуатировать их» [ibid, p. 79]. Бисмарк считал, что эта цель достижима, если добиться разобщения Западной Европы, заигрывая при этом с Россией [ibid, p. 89].

Но затем России было предъявлено обвинение, будто именно она натравливала славян на Германию, что послужило причиной войны и за что пришлось-де расплачиваться французам. Немцам надо было бы двинуться против громоздкой России, а они почему-то сосредоточили удар на коротком пространстве границы с Францией. Если бы Германия на этом участке лишь оборонялась, то «весьма вероятно, что и мир в мире был бы номинально сохранен сегодня», пишет Маккиндер [ibid, p. 106].

Лишь вхождение в войну США решило задачу победы, поскольку, как уверяет Маккиндер, «в сложившихся условиях одна Западная Европа оказалась не в состоянии полностью изменить ситуацию на востоке» [ibid, p. 105]. К 1919 г. произошла смена декораций: появился шанс превратить страны Восточной Европы в ареал демократии, чего хотели и населявшие их народы. Последняя война возникла в Европе из восстания славян против немцев, но в итоге появилась возможность избавиться с помощью Англии и Франции от воздействия на них (славян) не только Германии, но и России.

«Западная Европа, — провозглашал Маккиндер, — как островная, так и полуостровная, должна непременно противостоять попыткам любой державы консолидировать ресурсы Восточной Европы и Хартленда. Мы выступали против полунемецкого Российского Царства, потому что Россия угрожающе доминировала посредством своей мощи и в Восточной Европе, и в Хартленде в течение полувека» — такие слова о бывшем союзнике по Антанте использует Маккиндер [ibid, p. 98–99]. (Под Восточной Европой Маккиндер подразумевает упомянутый выше «стратегический Хартленд».)

На карте в книге Маккиндера, нарочито нечеткой (так, на ней не показана уже состоявшаяся к этому времени в качестве независимой Латвия и не названа Албания), приведены эскизные очертания 10 стран, расположенных между Россией и Германией в 1919 г. Они и составляют в рамках «стратегического Хартленда» — Восточной Европы

некую срединную цепь, или пояс (the Middle Tier) государств. В их числе три балтийских, четыре славянских страны, а также Венгрия, Румыния и Албания. «Великими» среди них Маккиндер почему-то именуется Богемия, Сербию и Румынию.

Непонятно, по какой причине Маккиндер идентифицирует многонациональную Чехословакию как «Великую Богемия», по названию лишь части Чехии. При этом он не забывает напомнить, что она окружена с двух сторон Германией, с третьей — Польшей и с четвертой — Венгрией, а ведь две последние страны граничат со Словакией, очень четко описанной соотечественником Маккиндера Р.У. Сетон-Уотсеном. «Великая», или «Большая» Сербия» — это, соответственно, тоже многонациональное государство, названное Королевством сербов, хорватов и словенцев; у последних двух народов термин Маккиндера явно вызывал аллергическую реакцию, почему они и настояли на указанном названии.

Далее английский геополитик расшифровывает свою метафору «пояса государств» — полноправных членов Лиги Наций, в которой он видел «единственную альтернативу аду на земле». Одна из целей — «адекватное дробление Восточной Европы». Пояс новых независимых государств, условно говоря, заполняет траншею между Россией и Германией. Это едва ли достижимо через реализацию немецкой концепции Центральной Европы (Mitteleuropa), обосновывавшейся, в частности, современником Маккиндера, евангелическим пастором Ф. Науманном и предполагавшей доминирование здесь Германии. По утверждению Маккиндера, такой план «оставил бы немцев и славян в состоянии взаимного соперничества, и долговременная стабильность не была бы обеспечена. Именно Срединный пояс стран, поддерживаемый внешними государствами в рамках всемирной Лиги, позволит разбить Восточную Европу больше чем на две “государство-системы”. Более того, государства пояса, примерно равные другу другу по силе, сами составят группу, весьма подходящую для включения в Лигу» [ibid, p. 120].

Быть может, тогда (побежденная) Пруссия — «структура чисто искусственная, в отличие от Англии или Франции», и (революционная) Россия тоже превратятся в некие подобия федерации? — ставит вопрос Маккиндер. Точнее, два вопроса: первый фиксирует возможность, второй обозначает сомнение в том, что история противостояния двух великих империй завершится таким образом. Но что бы в «стратегическом Хартленде» ни произошло, он должен находиться под контролем «морских держав», уверяет Маккиндер. Ибо «кто управляет Восточной Европой...», тот в конечном счете «господствует над миром».

Взглянем пристальнее на страны, уже вошедшие в своеобразную федерацию во имя демократических идеалов, главным образом славянские. Их характеристика, данная Маккиндером, далека от полноты и изобилует небрежностями, едва ли допустимыми как для политика, так и для географа.

Итак, Польша в его описании: страна, до 1918 г. разделенная между тремя империями, северный фланг маккиндеровского «пояса». Освободившись от царской России,

20-миллионный народ собрался вдоль бассейна Вислы вокруг своих исторических столиц — Кракова и Варшавы. Поляки сохранили идентичность своей культуры, спасая ее и от менее цивилизованных русских, и от более цивилизованных немцев. Польша на карте окружена с двух сторон Германией, с третьей — Россией. В состав Польши на карте пока не входят «Кресы» — земли Западной Украины, Белоруссии и Литвы, захваченные только в 1920 г. Она получила доступ к Балтийскому морю, став буфером между Германией и Россией. Выход на Балтику — выход и в Западную Европу, значимый экономически и политически. Но узость этого выхода и тяготение друг к другу двух частей Германии, разделенных полосой польской территории, нельзя не считать источником геополитических бед в будущем.

Стремясь их предотвратить, Маккиндер размышляет: «почему бы нам не попытаться сделать обмен [немецкого] населения Пруссии восточнее Вислы и поляков в Познани»? [Ibid, p. 113] После Версаля не получилось, но спустя 25 лет совет Маккиндера вспомнили. Когда он описывал ситуацию в регионе, трудно было угадать, кого новая Польша больше ненавидит — новую большевистскую Россию или старую антиславянскую Германию. Польша в этой конструкции — своеобразный замковый камень Восточной Европы.

9 млн. населявших «Богемию» чехов и словаков — «наиболее энергичный малый народ в Европе», пишет Маккиндер [Ibid, p. 114]; страна — перекресток путей от Варшавы до Вены и от Балтики до Адриатики. Она может предложить соседям уголь и металлы, лесоматериалы и вино — для себя всего этого ей хватает. Но крупнейшие меньшинства — немецкое и венгерское, в меньшей мере русинское (и оно тоже не забыто) — все-таки представляют загадку для будущего, заключает Маккиндер. (Добавим, не столь отдаленного будущего — менее чем через 20 лет Н. Чемберлену, одному из главных «отцов» Мюнхенского сговора, удалось все-таки отдать славянские земли немцам, венграм, а заодно и полякам).

Относительно чехов, как ранее относительно поляков, Маккиндер поставил ряд вопросов. Смогут ли они преодолеть искушение большевизмом? Найдутся ли у них силы противостоять Германии и Венгрии? «Станут ли они местом расцвета современной индустрии и современного образования?» [Ibid, p. 112] Вопросы во многом риторические, но все же продиктованные, так сказать, заботой и вниманием. Ведь страна находится в самом центре «стратегического Хартленда».

Воля к государственному строительству у народа есть, еще ранее замечает Маккиндер. Так, военная сила «зарекомендовала» себя в России: чехословацкий корпус контролировал многие жизнеобеспечивающие объекты, в частности, Транссибирскую магистраль, а также кооперировался севернее с британскими войсками [Ibid, p. 85]. Поэтому перспективы и второго славянского государства, верного друга «морских держав», Маккиндера обнадеживали.

Очередная страна, «враждебная» в недалеком прошлом, — Болгария. Болгары — пришельцы с востока, овладевшие славянской культурой. Вместе с вековыми врага-

ми — турками они воевали против Антанты, немцы же поставляли им царей. Ранее болгары вместе с сербами боролись против турок, опираясь на религиозную общность. Затем, пишет Маккиндер, между этими балканскими народами (чьи различия, хотя и стали заметнее, остаются различиями внутрисемейными) разгорелись два военных столкновения в ходе Второй балканской и Первой мировой войн. Однако «если они сочтут справедливыми условия, продиктованные союзными державами, обе страны, истерзанные военными действиями, по всей видимости, с радостью пойдут на примирение» [ibid, p. 116].

12 миллионов южных славян — югославов — разделялись Маккиндером на православных и католиков (мусульмане не упомянуты); созданное 1 декабря 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев лежит на пути к Константинополю и имеет морские порты, что важно для Европы. Страна — узел трудноразрешимых этнических противоречий. Ключевое событие здесь — аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины. Оно насторожило Британию, которая противодействовала влиянию Германии. «Военных действий небольшой Сербии, поддерживаемой ее большой сестрой Россией» [ibid, p. 107], не удалось избежать. И все же союз между южными славянами достигим посредством их выхода из-под власти Австро-Венгрии, что доказало единение католиков — хорватов и словенцев — с греко-православными сербами. Естественно, под надзором союзников, о чем Маккиндер предпочитал не упоминать.

В итоге же, как продемонстрировал пост версальский период истории «стратегического Хартленда», революции во имя демократических идеалов в большинстве стран региона (за единственным исключением Чехословакии) завершились установлением национальных вариантов диктатуры. Внешнеполитические же их предпочтения отличались динамичной мозаичностью. Постпилсудская Польша выбирала то Германию (получив в 1938 г. в качестве вознаграждения Тешинскую область), то Англию и Францию. Чехословакия раскалывалась по этническому принципу, и словацкий католический священник, а впоследствии президент Йозеф Тисо однозначно встал на сторону Германии, как и лидеры Венгрии, Румынии, Болгарии. В Югославии, где вызревали кровавые конфликты, ключевая часть страны — Сербия — сохраняла пророссийские позиции.

Горевали ли поборники демократических идеалов за Ла-Маншем и за океаном по поводу сложившейся ситуации? Вряд ли. Они ожидали столкновения Германии и СССР и второго раунда насаждения «демократических идеалов» — после того как мир победит, но не сможет в полной мере воспользоваться плодами победы. Не получилось, что признавал и сам классик геополитики в привлекшей всеобщее внимание статье «Круглая Земля и обретение мира» (1943 г.). Она вышла год спустя после очередного переиздания книги Маккиндера о демократических идеалах, ее тезисы остаются и сегодня материалом для многих не только политических спекуляций, но даже фантазий.

О Хартленде в статье опять говорится по-новому, а признание доминирования СССР над Восточной Европой является, согласно Маккиндеру, почти безальтернативным. При этом присущая ему осторожность сквозит в суждении, завершающем третью часть

статьи: «Если Советский Союз выйдет из этой войны победителем Германии, он должен будет считаться величайшей сухопутной державой на планете. Помимо этого, он будет державой в стратегически сложившейся оборонительной позиции» [Маккиндер Круглая... с. 76]. (Правда, СССР оставалось менее 50 лет жизни после этого предсказания. Зато Российская Федерация — его преемник — стала мощной морской державой и, освоив Арктику, может превратиться и в державу доминирующую, причем не только в военном отношении.) О «стратегическом Хартленде», или, согласно нашему термину, «малой Восточной Европе», в статье ни слова; она — под советским контролем по умолчанию.

Пафос работ Маккиндера сводится к тому, что Восточная Европа была (и остается) регионом столкновения западного (немецкого, а затем англо-американского) и славянского начал. Эти столкновения неизбежны по самому принципу организации Хартленда, который обречен производить мирообъединительные устремления. Поскольку столкновения жестко детерминированы самим мироустройством, необходима их регуляция, миссию которой осуществляет внешняя сила. Таковой, по убеждению Маккиндера, выступает Великобритания, а если у нее даже вместе с ее бывшими доминионами не хватает потенциала, в игру вступают США.

Н. Нарочницкая в работе «Версальский договор и начало новой геополитической эпохи» правомерно утверждает: «стратегия Маккиндера служит извечной задаче британской политики: предупредить усиление любой континентальной державы и не допустить гипотетической русско-германской “entente”» [Нарочницкая Русский... с. 175].

Крайне абстрактная схема Маккиндера все же в какой-то мере объясняет многие исторические реалии, но ее цель — оправдание вмешательства, особенно в точках бифуркации или окружающих их зонах. Неудивительно, что интерес к мыслям и проектам регуляции с опорой на морские державы вспыхивал в весьма непростые времена.

И в новых конфигурациях столкновений контроль над Восточной Европой все еще играет одну из определяющих ролей, зафиксированной в его знаменитой формуле. Сегодня регион снова остается как бы без «хозяина»: Россия, отбиваясь от очередного Drang nach Osten (сегодня это скорее Push to East) через Украину, контролировать его не может, а Запад (Европы) все в большей мере не желает. Германия довольствуется лишь экономической экспансией, Франция ослаблена внутривосточными конфликтами. Контроль со стороны Англии носит совсем уж причудливые формы — если вспомнить казус Скрипалей: мощь натиска сместилась в весьма нелепые информационные войны, а Брекзит торит пути аналогичным тенденциям в Центральной Европе. США тоже не видят особого профита в контроле над евроскептически, а в чем-то евроатлантически настроенными народами восточноевропейских стран, как бы предвидя: поля генеральных сражений смещаются. Не превратить ли в этом плане странам региона нужду в добродетель, не стать ли, действительно, автономной мироустроительной единицей? Например, добиваясь хотя бы автономии в рамках военно-политического блока НАТО и трансгосударственного объединения под названием «Европейский союз»? Надежд на это не так много, но очень уж ощутимо и быстро меняется мир — с опорой

на возвращаемые внутри, а не импортируемые (в частности, по рецептам Маккиндера) демократические идеалы.

Рассматриваемый труд 1919 г. содержит рецепты автора в решении славянского вопроса в ключевой для народов стран Восточной Европы период. Эти рецепты имплицитно предполагали, что лишь влияние Англии и США смогут содействовать насаждению здесь демократических идеалов. История показала, что события шли далеко не по предполагаемым Маккиндером сценариям, и чем ближе к 1939 г., тем в большей степени.

Первое издание трактата «благословляло» Версальский мир с надеждой, что идеалист В. Вильсон и прагматик Д. Ллойд Джордж осуществят миссию посредников между претендентами на лидерство в Хартленде. Миссия провалилась, в частности, вследствие страха перед импульсом, исходившим от «большевистской России», якобы способной осуществить мировую революцию.

И все же интерес к работе Маккиндера не угасал и не угасает. Данная работа переиздавалась в 1942, 1962, 1981, 1996 г.; несколько изданий продублированы в Интернете (мы использовали издание 1942 г., включающее обширный справочный аппарат). Фрагменты книги активно публикуются в переводе на русский язык, выходили и выходят на других славянских языках.

На наш взгляд, сроки публикации переизданий и указанных переводов не случайны, Маккиндеру удалось увидеть то, что кроется за фактами. Данная статья, посвященная реконструкции взглядов Маккиндера на славянский вопрос и славянство — лишь первая попытка рассмотреть поднятые им в этой связи проблемы в широкой исторической ретроспективе и перспективе. Ведь не случайно, если говорить о странах Восточной Европы (остающейся до настоящего времени «стратегическим Хартлендом»), его заклинание о настоятельности управления ими/им воспроизводится постоянно.

Итак, славянский вопрос Маккиндером ставился, хотя чаще всего в завуалированной форме. Он как бы суггестивно убеждал: при немецком давлении и русском самодержавном покровительстве славянским народам было плохо. После Версаля, когда им предоставлен шанс внедрить «демократические идеалы», станет лучше... Этого не случилось, и спустя 20 лет имело место подавление немцами ряда народов «Латинского полуострова» Европы (термин Маккиндера), в основном французского, онемечивание славянских этносов и попутное уничтожение евреев и цыган приняло кроважидные тотальные формы. И если вспомнить метафору Маккиндера о наконечнике копья (Германия) и его древке (Россия), то как раз победное противостояние СССР (при поддержке морских держав) «третьему рейху» спасло мир.

Как отмечали многие интерпретаторы идей классика геополитики, и в XXI в. славянский вопрос не решен удовлетворительно — ни для России с Германией, давно существующих в качестве неимперий, а республик, ни для нынешней Британской империи и ультрадемократических США. Даже в новых, навязываемых форматах.

Заключает Маккиндер свою книгу такими словами: «Добрососедство и братские обязанности к тем, кто обитает рядом с нами, — единственная и прочная основа счастливого согражданства. Его влияние распространяется от города к области, а от нее к нации — и миру в рамках Лиги Наций. Это подлинный способ преодолеть пропасть между убожеством хижин и роскошью дворцов, избавиться от войн между классами и между нациями» [Mackinder Democratic... p. 144]. Решение этой задачи, сформулированной британским классиком геополитики еще столетие назад, оставлено для XXI столетия.

Литература

- Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
- Маккиндер Х.* Демократические идеалы и реальность (фрагменты) // Полис. 2011. № 4.
- Маккиндер Х.* Круглая Земля и обретение мира // Космополис. 2016. № 2.
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М. 2004.
- Нарочницкая Н.А.* Русский рубеж. Размышления историка в эпоху перемен. М. 2018.
- Цымбурский В.Л.* Хэлфорд Маккиндер: трилогия Хартленда и призвание геополитика // Космополис. 2007. № 16. — URL: intelros.ru/index.php?newsid=358 (дата обращения: 13.11.2018).
- Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. London, 1919.
- Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIV. № 4. Pp. 421-437.
- Mackinder H.J.* The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. XXI. № 4. Pp. 595-605.
- Who rules East Europe commands the Heartland; who rules the Heartland commands the World-Island; who rules the World-Island commands the world // Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Washington. 1942.